

В мире, где они раньше жили, расточительство было обычным делом. Если что-то было невкусным, они не ели. Если что-то оставалось, выбрасывали. Для них это было привычным. Они не видели в этом ничего плохого, ведь все вокруг поступали так же. Если бы они не поступали так, разве они не выглядели бы странно?

А здесь никто не мог позволить себе расточить даже крошку еды, поэтому, даже если перед ними стояли деликатесы, они не брали лишнего. Каждое зёрнышко риса, каждый кусочек овощей они съедали дочи́ста.

Подобное тянется к подобному, и это именно то, о чём говорится.

Атмосфера за ужином была мрачной, хотя обычно во время еды никто не разговаривал. Но сегодня в столовой витала лёгкая печаль, которая давила на всех.

Ван Бинь встал и улыбнулся, глядя на толпу в столовой. Это был первый раз за все эти дни, когда он улыбался так искренне.

Он посмотрел на всех и сказал:

— Ребята, завтра мы возвращаемся в школу, вы рады?

В ответ ему была тишина, никто не сказал ни слова.

Ван Бинь не обратил на это внимания, засмеялся и сказал:

— Я знаю, что вы, ребята, наверняка очень рады, наконец-то выбраться из этого места, разве можно не радоваться? Я тоже рад, потому что мне больше не придётся видеть ваши трусливые лица.

Но здесь я всё же хочу сказать пару добрых слов о наших инструкторах. Я знаю, что многие из вас нас ненавидят и хотели бы содрать с нас кожу. Но я говорю, что, несмотря на то, что вы устали за эти десять с лишним дней, вы сами можете почувствовать, как изменилось ваше тело. Если не чувствуете, у нас есть записи, вы можете посмотреть. Я говорил, что в этом мире нет ничего невозможного, всё зависит от того, насколько вы стараетесь.

В этом мире нет слабых, есть только те, кто не хочет быть сильным.

Хотя эти десять с лишним дней были короткими, в будущем вы точно будете благодарны за них. Вы поймёте, сколько пользы они вам принесли и как изменили вашу жизнь.

Когда вы столкнётесь с трудностями, вспомните, как вы выдерживали эти дни. Используйте эту силу, эту стойкость, это упорство, чтобы встретить трудности, преодолеть их и победить.

Неудача не страшна, страшно — это сдаться, даже не попытавшись. Это трусость, слабость, малодушие!

Завтра вы уезжаете, и мы, инструктора, ничего вам не можем подарить, кроме песни, как прощальный подарок за это время, проведённое вместе. Не думайте, что она плохая, просто примите её. Ха-ха.

— Все инструктора, встать!

Инструктора, сидевшие в разных местах, моментально встали.

Ван Бинь посмотрел на них и закричал:

— Приготовиться, петь!

— Мы, солдаты, чем отличаемся? Только тем, что носим простую военную форму. С тех пор, как покинули родной дом, редко видим родителей.

Ван Бинь, двенадцать инструкторов, две женщины-инструктора и повар из столовой вместе пели, и по мере пения кто-то начал плакать.

Плакала девушка, многие помнили, что она была одной из тех, кто плакал больше всех в первый день военной подготовки. Неизвестно, потому что она любила плакать, или по другой причине. Но сейчас она лежала на столе, рыдая. Её плач, как камень, упавший в спокойное озеро, постепенно вызвал волну.

У многих на глазах выступили слёзы, большинство девушек начали тихо всхлипывать, а некоторые даже обнялись и зарыдали.

Многие парни тоже покраснели глаза, вытирая слёзы.

Кто-то продолжал есть, глаза красные, как у кролика.

Хэ Дачжуан тоже был тронут этой атмосферой, его глаза покраснели. Ван Бинь был прав, те изменения, которые произошли с ними за эти дни, могли повлиять на всю их жизнь.

Несмотря на то, что Ван Бинь и инструктора относились к ним строго, они действительно заботились о них.

Люди — существа эмоциональные, и за эти дни они не могли не сблизиться. Эта разлука могла быть навсегда, и им было трудно с этим смириться.

Гао Чжибо обнял Ся Юйхуэя, глядя его по голове и тихо утешая. Ся Юйхуэй дрожал, прижавшись к Гао Чжибо.

Хэ Дачжуан опустил голову, глаза красные, он молчал.

Цзинь Жуй погладил его по голове, сжал его руку.

Ван Бинь тоже покраснел глаза, смеясь сквозь слёзы:

— Вы, ребята, чего ревёте, не дай бог, подумают, что вы на похоронах! Ладно, не плачьте, а то будете выглядеть трусами. Если вам нас жалко, приходите иногда проведать, мы ведь не умерли, ещё увидимся. Не думайте, что если вы плачете и сморкаетесь, то можно оставить сопли в еде. Я вам скажу, сегодняшний ужин мы, инструктора, специально скинулись, чтобы купить вам, ребята, еду. Даже если в ней будет дерьмо, вы всё съедите!

Эти слова заставили многих засмеяться, но смех быстро сменился слезами.

Глядя на тех, кто плакал, Ван Бинь вздохнул и смягчил голос.

— Вы вернётесь в школу, учитесь хорошо, не занимайтесь глупостями, будьте честными и открытыми. Не обязательно приносить славу родине, но не позорьте её. Мужчины должны быть мужественными, брать на себя ответственность! Женщины тоже должны быть сильными, учитесь быть независимыми, не полагайтесь на других. Этот мир равен и жесток, всё

достигается своими руками, а не даётся другими! Вы должны прожить свою жизнь достойно, иначе просто зря проживёте её, понимаете?

— Понимаем.

— Громче!

— Понимаем!

— Скажите «доклад»!

— Доклад! Понимаем!

— Хорошо, продолжайте есть!

— Есть!

Хэ Дачжуан опустил голову и продолжил есть, Цзинь Жуй погладил его по голове, ничего не говоря.

Хотя он тоже был тронут, он не чувствовал такой сильной привязанности.

В мире нет вечных пиров, у людей есть радости и печали, луна бывает полной и ущербной. Ничто не может быть идеальным, и чтобы что-то получить, нужно что-то отдать.

Все закончили ужин в подавленной атмосфере, а затем бросились мыться и готовить постели.

Кто-то стыдился того, что плакал, кто-то не хотел оставаться в такой атмосфере, а кто-то просто не знал, как себя вести. В общем, настроение у всех было не из лучших.

После душа Хэ Дачжуан впервые не лёг сразу спать, а поднял голову и смотрел на небо.

Цзинь Жуй зажёг благовония, побрызгал репеллентом и лёг на кровать.

Он обнял Хэ Дачжуана и прижал к себе. У того было плохое настроение, и он не стал спорить.

Прижавшись к Цзинь Жую, он смотрел на звёзды, молча.

За всё это время он впервые заметил, какое красивое здесь небо. Бесчисленные звёзды мерцали в ночном небе, заставляя сердце успокоиться. В городе такого не увидишь.

Даже если они живут под одним небом, здесь всё равно по-другому.

Цзинь Жуй обнял его и спросил:

— Тебе жалко уезжать?

Хэ Дачжуан кивнул:

— Как думаешь, они будут помнить нас?

— Возможно.

— Почему только возможно?

Цзинь Жуй повернулся и посмотрел на лицо Хэ Дачжуана, на его грустный взгляд и мерцающие глаза, похожие на звёзды, которые вызывали восхищение.

Он не удержался и поцеловал его в глаз.

Хэ Дачжуан моргнул и поспешно отстранился, нахмурившись:

— Рядом же люди.

Цзинь Жуй усмехнулся и обнял его ещё крепче:

— Гао Чжибо рядом, чего бояться.

Хэ Дачжуан вздохнул, именно потому, что Гао Чжибо рядом, он и боялся.

— Не переживай, твой возлюбленный сейчас занят.

Хэ Дачжуан пнул Цзинь Жуя ногой:

— Отвали!

<http://bllate.org/book/16150/1447496>